

Петька

Автор:

Генрих Книжник

Петька

Генрих Соломонович Книжник

Генрих Книжник написал бесподобную юмористическую повесть о том, как городской, изнеженный мальчик Петька, находившийся под суперопекой мамы и бабушки, попадает в деревню, где с ним происходит много весёлых, поучительных и даже драматических приключений.

Генрих Книжник

Петька

Петька был толстый, и фамилия его была Тёткин, и он не сомневался, что все его беды из-за этого. А бед хватало. Во дворе командовать не удавалось никогда, а если он пробовал, дразнили «тёткиным жиртрестом», а то и по шее давали. В футбол если брали, только вратарём: «Мяч всё равно не поймашь, но на дороге у него окажешься». Недавно поставили в ворота в хоккее. Он обрадовался тогда, а они нарочно в него шайбой. Пять синяков осталось. Это всё Митька Волков, он тогда громче всех хохотал.

В школе, правда, не били, после того как мама побывала у директорши, но обзывали «жирной тёткой» и злились, когда он с места поправлял их ответы.

Как-то Петька рассказал о своих горестях отцу, но тот неприятно посмотрел и сказал:

– У тебя, Пётр, нет авторитета, нужно завоевывать.

Петьке сразу стало тошно: сейчас начнёт про скромность, сдержанность, про то, что, бывает, нужно и подраться, про спорт, а то в штаны уже перестал помещаться, и всякое такое. И не возразишь ничего – сразу начинает сердиться. К счастью, отца позвали к телефону, он сначала слушал, потом зло крикнул что-то в трубку, быстро оделся и убежал на свой завод, пообещав из дверей поговорить с Петькой по-настоящему. Этого разговора Петька не боялся, отец, конечно, забудет, но всё же пошёл к маме и пожаловался ей. Мама всегда понимала Петьку.

– Ужасные мальчишки, – возмутилась она, – конечно, все хулиганы. Не смей с ними больше играть. Я познакомлю тебя с сыном Алевтины Михайловны, очаровательная женщина. И сын её очень воспитанный мальчик.

Легко сказать – «не играй». Он и так во двор почти не выходит. А в школе как быть? Они же сами пристают.

– Я переведу тебя в другую школу, – сказала мама. – Сын Алевтины Михайловны учится в школе, где очень интеллигентный контингент учителей и учащихся. Надеюсь, что папа согласится, – добавила она, подумав.

Петька скис. В другую школу он не хотел. В своей было хоть и трудно, но привычно: знаешь, чего от кого ждать. А в новой – всё чужое. Пока не привыкнешь – не один раз побьют, да так, что и пожаловаться будет не на что. Как Митька Волков шайбой. Петька попробовал отказаться, но мама уже зажглась этой идеей, и он понял, что накликал на свою голову новую беду.

Воспитанный сын Алевтины Михайловны появился со своей мамочкой в пятницу вечером. Он был тощий, маленький, очкастый и действительно очень воспитанный. Долго вытирал ноги, тихим голосом здоровался, называя всех по имени-отчеству, за столом сидел смирно и про всё спрашивал разрешение.

Петьке он сначала понравился, но, когда после чая они в Петькиной комнате стали играть в солдатиков, мальчишка заявил, что Петька «паршивое жухало» и играть с ним нельзя. Конечно, Петька обиделся и сшиб с воспитанного очки. Этого, пожалуй, не стоило делать, потому что, когда Петька опомнился, он лежал, уткнувшись носом в ковёр, а воспитанный сидел на нём верхом, держа за уши, и приговаривал: «Не тронь очки, сосиска несчастная, не тронь!» Петька попробовал вырваться, но воспитанный держал за уши крепко и умело. Тогда Петька поднатужился и заорал так, что воспитанный кубарем скатился с него и стал хлопать ладонью по полу, разыскивая очки. Когда обе мамы вбежали в комнату, он уже сидел за столом и рассматривал книжку.

- Петя упал, - объяснил он очень вежливо. - Наверное, больно ушибся.

- Сам упал? - с сомнением спросила Алевтина Михайловна.

- Сам, - вздохнув, подтвердил мальчишка.

Этого Петька снести не мог.

- Это я сам упал? - взревел он. - А за уши и носом в пол - это я тоже сам?! Крыса очкастая!

- Петя! - только и сказала мама и в ужасе взялась за щёки.

Алевтина Михайловна посмотрела на неё ледяным взглядом.

- А кто очки с меня сшиб? - завизжал вдруг воспитанный. - Попадись ты мне на улице!.. - И тут он добавил такое, что мама ледяным взглядом посмотрела на Алевтину Михайловну, а та, поджав губы, схватила мальчишку за руку и вышла вон.

Потом Петька лежал на диване, а мама читала ему вслух «Барона Мюнхаузена» и меняла на лбу мокрое полотенце. О новой школе она не заговаривала. Время

от времени Петька постанывал, чтобы мама не забывала, какой он несчастный, и раздумывал: «Сейчас просить конструктор или подождать, чтобы не испортить дела?»

Петька потом жалел, что не попросил сразу. Папа неожиданно рано вернулся с работы, весело вошёл в комнату, но, увидев Петьку с полотенцем на голове, сильно удивился и даже испугался. А когда узнал, в чём дело, страшновато усмехнулся и вышел из комнаты. Мама сразу забеспокоилась и вышла вслед за ним. Петька не рискнул подслушивать у двери, а когда услышал папин крик: «Чёрт знает что! Болонку из него сделала! Я в его возрасте!..» – понял, что дело оборачивается совсем плохо, и застонал уже по-настоящему.

Вскоре вошла мама и сказала чужим голосом:

– Вставай сейчас же. Сходи за хлебом, сколько можно повторять!

О хлебе и речи не было, но Петька не посмел возразить, хотя время было самое опасное и банда Митьки Волкова в полном составе кидала по асфальту клюшками шайбу в пустой ящик у самого подъезда. Но булочная – это пустяк, ясно было, что этим дело не кончится и не миновать ему пионерского лагеря, которого Петька боялся как огня.

Папа уже третий год собирался отправить его в лагерь, но маме каждый раз удавалось отвести угрозу. Она говорила, что у Петьки неустойчивое здоровье и хрупкая нервная система, что все интеллигентные люди отправляют своих детей летом только на дачи, что в лагерях дети предоставлены самим себе и случиться с ними может всё что угодно, что он сам (папа) и она сама (мама) не могут жить летом в этом душном городе и что папа – враг своему ребёнку. Папа медленно сдавался, и Петька ехал с бабушкой в Кратово. Дачное житьё бывало скучное, но безопасное, если не выходить с участка.

Петьке пришлось довольно долго отсиживаться в подъезде и ждать попутчика. Но зато дождался хорошего – бабу с третьего этажа, которая всех мальчишек, кроме Петьки, считала бандитами, и, конечно, при ней Митька его тронуть не посмел. Кричать – кричали всякое, но не тронули.

На обратном пути совсем повезло: ни Митьки, ни его команды во дворе не было. Может, домой позвали, а может, в кино пошли. Петька повеселел и стал даже

думать, что с лагерем обойдётся и на этот раз. Мама уговорит папу, позовут бабушку, и опять будет тихое, надёжное дачное житьё.

Дома его ждало жестокое разочарование: выяснилось, что бабушка с ним на дачу ехать не может. У тёти Зины, маминой сестры, собиралось родиться что-то, и бабушка оставалась с ней в Москве. Петька не понимал, как можно покинуть его ради ещё не существующего младенца, но говорить об этом вслух, конечно, было нельзя. Мама сказала, что она возьмёт отпуск за свой счёт на всё лето или наймёт женщину сидеть с Петькой на даче, но папа только глянул на неё и вышел в другую комнату. Тогда мама закричала на Петьку, чтобы он не смел вмешиваться в разговоры взрослых и сейчас же шёл спать.

Дней пять Петька и мама ходили в полном ужасе, но тут из своей лесной деревни в гости приехала тётка Ксения. Она была тихая, но папа её слушался беспрекословно и всегда улыбался. Тётка привозила сушёные грибы, ягоды, сало. Однажды привезла живого зайчонка, но мама запротестовала: «В доме ребёнок, а тут дикое животное, грязь, зараза...» – и зайчонка пришлось отдать Юльке с шестого этажа. Петька долго ревел тогда, однако у мамы в таких случаях проявлялась несгибаемая воля. А сейчас вон какой здоровенный вырос заяц, за Юлькой бегают, как собачка.

Вечером мама опять завела разговор о Петькином отдыхе. Папа отмалчивался, и она обратилась за помощью к тётке. Тётка посоветовала пионерский лагерь. Тогда мама объяснила про хрупкую нервную систему. Тётка удивилась и сказала, что не заметила в этом смысле ничего особенного.

– Конечно, с первого взгляда ничего не заметно, – обиделась мама. – Если бы Петя, как твой Антон, рос в деревне, то и у него было бы железное здоровье.

Тут тётка переглянулась с папой и сказала:

– Ну что ж, пусть Петя едет со мной в деревню. Мы с Василием сейчас одни, Антон на всё лето в поле, внуков у нас пока не предвидится. Поживёт, окрепнет на парном молоке да на ягодах.

Про молоко это она здорово сказала, мама сразу заинтересовалась. Она очень была привержена именно к парному молоку. Она только и спросила:

– А как же дикие звери? Ведь у вас лес кругом.

– Нет никаких диких зверей, – ответила тётка, – косули самые дикие, но они и зайцев боятся.

– А с кем он там будет?

– Со мной.

– Но ведь ты работаешь.

– Я дома часто, а уйду, так подождёт, один побудет.

– Как один? – сказала мама, приподнявшись на стуле. – Это невозможно.

– Галина! – вдруг подал голос папа. – Ксения меня вынянчила, когда мать умерла, и ничего, как видишь. Пётр поедет или в пионерлагерь, или к ней. Поблагодари её сейчас же за то, что берёт на себя эту обузу, и кончим разговор.

Папа редко говорил таким тоном. Петька в такие минуты его очень боялся, и мама, наверное, тоже. Она только сказала:

– Делайте как знаете, я снимаю с себя всякую ответственность, – и отвернулась к телевизору.

Дело поворачивалось неожиданной стороной. В деревне с тёткой – это даже лучше, чем на даче с бабушкой! И ехать туда нужно на поезде. И в лесу можно будет поймать ещё одного зайчонка. Молодец тётка! Но соглашаться сразу было не в Петькиных правилах, и он сказал, чтобы не разбаловать родителей:

– Мне там будет скучно.

– Поскучаешь, – жёстко ответил папа, даже не обернувшись, и Петька почувствовал, что сейчас ему нужно замолчать и тихо удалиться.

* * *

Поезд уходил вечером. Два дня мама и бабушка готовили Петьку к отъезду: стирали, гладили, шили и бегали за покупками. Потом мама достала с антресолей огромный старый чемодан, вытерла с него пухлую пыль и стала складывать в него вещи и продукты: конфеты, любимую Петькину копчёную колбасу, печенье. Еда на дорогу пошла в авоську, чтобы не лазить в поезде в чемодан. Вместе с отобранными Петькой игрушками и книжками набралось столько, что им с мамой пришлось сесть на чемодан, чтобы он закрылся. Мама попыталась поднять его, но не смогла.

- Ничего, - сказала она неуверенно, - там всё пригодится.

Пришёл папа с тётёй Ксенией, очень весёлый, принёс Петьке перочинный нож с двумя лезвиями и штопором. Нож был отличный, но для порядка Петька сказал:

- А у Кирки Генералова нож с четырнадцатью предметами...

Но папа только пожал плечами и крикнул:

- Обедать скорее, а то опоздаем на поезд!

За обедом бабушка не сводила с Петьки глаз и накладывала ему в тарелку побольше. Но Петька очень волновался, что они опоздают, и почти ничего не ел.

Мама сидела скучная и тоже не ела. Только папа ел за двоих и рассказывал, как он в детстве гонял коней в ночное.

- Какое такое ночное? - поинтересовался Петька.

- В ночное поле, - пояснил папа, - пастись ночью.

- А как ты их гонял - кнутом?

- Нет, верхом на них ездили, на незасёдланных.

- А я поеду верхом на лошади?

- У нас лошадей нет, - ответила тётка, осторожно покосившись на маму.

Папа захохотал, а у мамы задрожали губы. Она сказала:

- Я не понимаю тебя, Алексей, - и вышла из комнаты.

Но папа не погрустнел. Перестал он улыбаться только тогда, когда увидел Петькин чемодан.

- Там что, школьная Петькина парта? - озадаченно спросил он.

Но мама вдруг рассердилась и сказала, что не так уж много она просит для своего спокойствия, отправляя единственного ребёнка по его, папиному, настоянию неизвестно куда. И папа, вздохнув, умолк.

Мама надела на Петьку белую панаму, папа взвалил чемодан на плечо. Мама и тётя Ксения взяли тёткины вещи, и они пошли.

Когда папа втащил чемодан в купе, то ухнул, вытер пот со лба и пошёл за лимонадом. Мама усадила Петьку, сама села напротив и начала давать ему последние наставления: слушаться, хорошо кушать, мыть ноги и уши, дружить с хорошими мальчиками, не ходить с мальчишками - с плохими или хорошими - всё равно - в лес, на речку, на улицу, не лазить на забор, не падать в погреб; правильно, по погоде одеваться и многое другое, чего Петька уже не услышал, потому что отвлёкся. Потом мама и папа стояли под окном у вагона, а Петька смотрел на них сквозь неудобную узкую вагонную форточку и немного грустил. Он попытался высунуть голову наружу, но уши помешали, и он только помахал рукой.

Поезд тронулся, мама и папа пошли за вагоном, потом папа остановил маму, и они отстали. Петька остался с тёткой.

Не так уж много приходилось ездить Петьке на поездах. Когда ему было пять лет, мама возила его в Крым, чтобы «поправить носоглотку», но он мало что помнил из этой поездки. Мог ли он, пятилетний, получить настоящее удовольствие от поезда? Наверное, на верхней полке даже боялся лежать! А в окно смотреть, а выглядывать из вагона на остановках, когда проводник открывает железную дверь, вытирает тряпкой поручни и покрикивает на взволнованных пассажиров с чемоданами и ящиками: «Все сядете, граждане! Без вас не уедем!»

Жаль только, что под вечер выехали и скоро уже нужно ложиться спать. Конечно, на верхнюю полку, потому что, как только поезд тронулся, Петька сразу поменялся местами с седенькой тётёй, которая ехала с ними в купе. Когда папа брал билеты на поезд, мама настояла, чтобы нижнее место было не только у тётки Ксении, но и у Петьки. «Не дай бог, ребёнок упадёт! Что ты тогда будешь делать?» – спросила она у тётки, и та согласилась, что делать будет действительно нечего. Петька было возмутился, но мама топнула на него ногой, а папа только пожал плечами и улыбнулся. А здесь, когда старая тётя благодарилась ему, тётка Ксения даже глаз от книги не подняла, как будто так и надо. Ишь какая! А если он действительно упадёт? Тётка как будто услышала его мысли.

– Ну что вы, – сказала она старушке, – если вы упадёте с верхней полки – будет беда, а если Петя – просто синяк. Петя это понимает. Он воспитанный мальчик.

При слове «воспитанный» Петька вздрогнул и полез на свою полку.

Забраться на неё оказалось непросто даже с лесенки. Можно было, конечно, подпрыгнуть, повиснуть на руках и мгновенным рывком забросить тело на полку, как это сделал другой их сосед по купе, лохматый очкастый парень. Но на такое Петька и в мечтах решиться не мог.

– Я всё же устал за день, – объяснил он тётке, и она кивнула, оторвавшись от книжки.

Петька отлично понимал, что дело не в какой-то там усталости, и это очень портило ему настроение. На выручку пришёл лохматый сосед.

– Разомнёмся перед сном, – сказал он, спрыгнув на пол, и легко закинул Петьку на его полку.

Так и папа, наверное, не смог бы. Потом запрыгнул на свою и, подмигнув, спросил:

– По физкультуре, наверное, четвёрка?

– Угу, – буркнул Петька и поскорее отвернулся к стенке, потому что у него была никакая не четвёрка, а тройка, да и та неполноценная. Учительница физкультуры, «невежливая особа», как её стала называть мама после первой же встречи на родительском собрании, сказала Петьке, когда ставила годовую оценку: «Три – много, два – мало, два с половиной – как раз, но нельзя. Ладно уж, поставлю тройку, принимай её как аванс». Что такое аванс, Петька не знал, но не стал спрашивать у мамы, чтобы не огорчать её, а у папы – чтобы не огорчаться самому.

Сон пришёл быстро и незаметно, и было в нём ещё уютнее, чем наяву, от покачивания полки, стука колёс и далёкого гудка тепловоза. Утром стало прохладно, и Петька проснулся от этой прохлады, от сильного солнца, лежащего на самом краю поля, прямо против вагонного окна. Петька натянул одеяло до ушей, поплотнее завернулся в него, и тепло снова пропитало всё его тело, возвращая уют. Вдруг ликование охватило Петьку, захотелось взвизгнуть, забить ногами от предвкушения замечательного дня, полного открытий и неожиданностей, и он завертелся вьюном на застонавшей полке. Стон этот гулко прозвучал в тишине сонного купе, и Петька замер, закрыв глаза и притворившись спящим, – это тоже было интересно и радостно.

Когда тётка разбудила его, солнце было уже довольно высоко.

– Вставай, Петенька, скоро приезжаем.

– Да, – ответил Петька и перевернулся на другой бок, потому что не в его привычках было вставать сразу.

Бабушка и мама по многу раз повторяли: «Вставай, вставай...», пока он не выбирался с оханьем и жалобами из постели. Но тётка молчала, и от этого с Петьки разом соскочил сон. Он приоткрыл один глаз и столкнулся с хитрым

взглядом лохматого соседа. «Сейчас скажет что-нибудь про физкультуру» – подумал Петька, быстро откинул одеяло и храбро прыгнул с полки вниз. Умываясь над треугольной неудобной раковиной с тугим краном, из которого брызгала колючая струя воды, он думал, что всё-таки он молодец и хорошо спрыгнул с полки. А то что он упал на четвереньки, так это поезд качнуло.

– Садись, Петя, ешь поскорее, а то не успеешь, – сказала тётка, когда он отодвинул тяжёлую дверь купе.

Петька очень испугался. Мгновенно проглотил помидор, три пёрышка зелёного лука, куриную котлетку, бутерброд с сыром и единым духом выпил стакан, к счастью, уже остывшего чая.

– Скорее, тётя, опоздаем, – торопил он тётку, собиравшую в сумку мыло, зубную пасту и еду.

Но вот все вещи были уложены, панама надета, а поезд всё ещё мчался во весь дух. Наконец он стал замедлять ход, и они с тёткой понесли багаж к выходу. Петькин чемодан, крикнув, взял лохматый сосед. В тамбуре он спросил у тётки, не геолог ли она и не образцы ли минералов у неё в чемодане.

А когда узнал, что там только детские вещи, с уважением посмотрел на Петьку. Но Петька отвернулся.

Поезд вздрогнул и остановился.

– Скорее, – сказал проводник, – стоим полминуты.

Тётя заторопилась, но у подножки уже стоял высокий загорелый мужчина в сапогах, и тётя, как молодая, прыгнула с площадки прямо ему в руки. Он поставил её на землю и подхватил Петьку, а потом вещи. Лохматый помахал рукой из вагона, и поезд тронулся. Вагоны простучали мимо них, ушли за поворот. И наступила тишина.

* * *

Лошадь неторопливо бежала по дороге, заросшей травой и пересечённой корнями. По обе стороны стоял плотный, ровный лес. Он менялся: становился светлее, темнее, выше, ниже, но от дороги не отходил. Временами дорога спускалась в прохладные овражки и снова выбегала из них в сухую пахучую жару. Иногда лес отступал, появлялись яркие зелёные низинки, и тогда на Петьку набрасывались мухи. Они с противным жужжанием носились вокруг его головы, лезли в глаза и в нос. Петька отмахивался, бил их панамой, но мухи отставали только в лесу. От этого лес казался ещё лучше. Вот стоит высокий пень, очень высокий, а рядом лежит сломанная сосна. Кто её сломал? Ветер или, может быть, медведь? Тётка, наверное, знает. А вот ёлочки маленькие столпились, как девчонки на переменке. Берёза через дорогу наклонилась, будто ворота, и на ней птица сидит. Что за птица? Не улетает, не боится почему-то. А вот лужа с чёрной водой. Телега по луже едет, как корабль плывёт, и от лужи в траву упрыгивают лягушки.

Телегу потряхивало на корнях, и, хотя Петька сидел на сене, ему скоро стало неудобно. Захотелось пить. Дядя с тёткой о чём-то тихо разговаривали и на него не смотрели, будто забыли. Это показалось обидным: дома о нём никогда не забывали.

– Тётя, я пить хочу, – сказал он громко. – И ехать мне надоело. Когда приедем?

– Ехать ещё минут сорок. А попьём из речки. Вон она видна, за берёзой поблёскивает. Там остановимся и отдохнём.

– Как из речки? – удивился Петька. – Она ведь по земле течёт. Мне дома даже из-под крана не разрешают воду пить, только из кувшина, кипячёную.

– А здесь в речке вода кипячёная. Её солнце кипятит, в тучи собирает, дождём проливает, реки наполняет. За много-много лет землю хорошо промыло, и вода в речке чистая. Но ты, если не хочешь, не пей.

– А вы с дядей будете?

– Мы – будем.

Телега остановилась сразу за маленьким мостиком без перил. Речка была неглубокая и совсем светлая. Дядька порылся в вещах, достал Петькину кружку

и, не торопясь, подошёл к самой воде. Петька с трудом глотнул сухим горлом, так ему вдруг невтерпёж стало хлебнуть этой весёлой, живой воды. Дядька наклонился с кружкой и замер, а потом вдруг быстро зачерпнул и подал кружку Петьке.

– Смотри, малёк, – сказал он.

– Какой малёк? – не понял Петька. – Я уже не малёк, я в четвёртый перешёл. – Но вдруг увидел, что в белой эмалированной кружке мечется маленькая, почти прозрачная рыбка, и даже задохнулся.

– Тётя, – зашептал он, – смотри скорей. Рыба! Живая! Дядя сейчас кружкой поймал в реке.

Тётя Ксения засмеялась и заглянула в кружку:

– Ну и рыба! Ай да Василий-рыболов! Как же мы с такой справимся?

– Ты ничего не понимаешь, тётя, – обиделся Петька за дядю Василия. – Я её в аквариум посажу и буду кормить, пока не вырастет.

– Не стоит, – отсоветовал дядька, – ты её лучше обратно выпусти, пусть сама кормится и растёт. А если захочешь полюбоваться на рыб, то наша речка лучше всякого аквариума. Погляди-ка с мостика.

Петька с кружкой в руках пошёл на мостик и глянул вниз. Сначала он видел только песок и водоросли. Да какие-то тени пробегали по светлому дну. Приглядевшись, он разобрал, что это не тени, а рыбы с тёмными спинками. В водорослях они останавливались, и можно было различить розовые плавнички и

полоски на серебристых боках.

Тёткина рука протянулась из-за его плеча и уронила в воду несколько хлебных крошек. Крошки намокли, пошли вниз, и тут же три тени метнулись к ним, и крошки исчезли, не дойдя до дна.

- А ловить их можно? - спросил Петька, подняв на тётку глаза. - Ты обещала.

- Лови сколько хочешь. Наши деревенские много ловят. Вот Бориска, соседский сын, всё время на речке пропадает. Возьмёшь удочку, снарядишь как надо, червей нароешь - и лови. Речка-то рядом.

- А я научусь?

- Научишься, дело не хитрое.

Петька сглотнул густую слюну и вспомнил, что хочет пить. Он спустился на берег, осторожно вылил воду с мальком в речку и зачерпнул снова. Вода была не холодной, как он ожидал, но очень вкусной. Он зачерпнул ещё кружку, но тётка сказала, что хватит одной, а пить больше вредно. Что нужно потерпеть и жажда сама пройдёт. Петька не поверил ей - как это пройдёт, если пить хочется? - и стал возражать. Тётка ни спорить, ни приказывать не стала, а сказала, что они с дядей сейчас попьют и отдадут кружку ему, пусть пьёт вторую, если хочет. Дома Петька потребовал бы кружку сейчас же, но здесь требовать было как-то неудобно, и он замолчал. Тётка зачерпнула, чуть отпила и заговорила с дядькой. Петька смотрел на кружку в её руке и ждал.

«Нарочно не пьёт. Вредная какая. Знает, что ребёнок пить хочет, а не даёт. Расскажу папе. Нет, лучше маме. А над кружкой оса вьётся. Что ей надо? Улетай давай. Тётка осу не видит. Сказать надо. Нет, уже улетела. Вон полетела через речку. Пропала. Наверное, за цветами. А осы что едят? Пыльцу, как пчёлы? Нет, не пыльцу, а нектар, папа рассказывал, сладкий цветочный сок. Если сок, то, значит, пьют. Пить хочется», - вспомнил Петька и опять обиделся.

- Тётя, пей скорее, - напомнил он.

– Извини, – сказала тётка, быстро допила воду и отдала кружку дяде. Тот попил, набрал воды и подал Петьке.

К Петькиному удивлению, пить больше не хотелось, но он, сопя, вытянул кружку до дна. Пусть тётка знает: раз он сказал, так оно и есть.

Поехали дальше. И снова тянулся лес вокруг, и телега подпрыгивала на корнях. Петька быстро пожалел, что не послушался. Забулькало в животе, стало жарко. Из-под панамы поползли капли пота. Откуда-то опять налетели мухи и заметались у него над головой. Стало совсем грустно. Но тут дядька Василий оглянулся на него и неожиданно сказал:

– Что-то устал я вожжами трясти. Может быть, ты, Ксения, поддержишь?

Петька сразу забыл обо всех своих неудобствах.

– Я подержу, – булькнул он, потому что вода ещё стояла почти у самого горла, глотнул и полез на передок телеги.

– Подержи, – согласился дядька Василий и передал ему вожжи.

Петька взял тяжёлый прошитый ремень и напрягся.

– Но! – крикнул он грозным и мужественным голосом, но лошадь не послушалась и пошла как будто даже медленнее.

Петька закричал ещё страшнее, но лошадь опять не обратила на него никакого внимания, а стала на ходу подхватывать губами придорожную траву. «Вот вредная скотина, – подумал Петька. – Ну я тебя сейчас!» Он махнул концом вожжей, чтобы стегнуть лошадь, и сшиб с себя панаму. Панама свалилась в колею, и оба колеса проехали по ней. Петька чуть не заплакал. Не то чтобы ему было жалко панамы, нет. Он терпеть её не мог, и в чемодане у него была ещё кепка, лыжная вязаная шапка и тубетейка, но лошадь просто издевалась над ним. Как только панама свалилась, он крикнул: «Тпру-у!» – но она и не подумала остановиться. А дядька тихо сказал: «Стой!» – замерла как вкопанная. Когда Петька шёл за панамой, она обернулась посмотреть и, кажется, даже улыбнулась. Но Петька решил не сдаваться. Он надел грязную панаму,

ухватился покрепче за вожжи и, топнув, как мама, ногой, заорал: «Поезжай сейчас же, дрянь такая!» И надо же – лошадь побежала! Тётя и дядя смеялись, но Петьке не было обидно. Лошадь стала слушаться, и это было главное всего. Теперь, когда Петька хлопал вожжами и кричал: «Быстрее!» – она ускоряла ход, «Медленнее!» – замедляла. Но Петька не злоупотреблял своей властью. Гордо и спокойно ехал он, глядя поверх лошадиных ушей.

Лес кончился неожиданно. На опушке дорога раздвоилась. Дядя Василий негромко сказал:

«Домой...» – и лошадь свернула налево. Петька увидел домики на бугре, а под бугром речку. За домами снова был лес.

В деревню Петька решил въехать лихо: пусть деревенские видят, как он, москвич, управляется с конём. Где-то читал он, что лихие будённовские бойцы правили быстрыми конями, стоя на тачанках, и встал на телеге.

– Зачем это ты? – удивилась тётя Ксения.

Но Петька объяснил ей, что устал сидеть. Стоять на движущейся телеге оказалось совсем непросто, и по дороге до деревни Петьке пришлось два раза срочно присесть, чтобы не кувырнуться. У самой деревни дорога пошла ровнее, стоять стало легче, и Петька приосанился. Однако на жаркой улице было пусто, и только возле самого их дома встретился им старик с палкой. Он долго смотрел на Петьку из-под коричневой ладони, а потом строго спросил:

– Кто таков?

– Племяш мой из Москвы, дед Трофим, Алексея сынок, – ответила тётя Ксения. – Лето у нас поживёт.

– Хорошее дело, – одобрил дед. – Закоптился, чай, в городе. А стоит-то в телеге зачем? Зад отбил с непривычки, что ли?

И исчез будённовский кавалерист, и остался вместо него толстый Петька Тёткин, красный от стыда чуть не до слёз. Хорошо ещё, никого из деревенских ребят рядом не оказалось, а то засмеяли бы его с первого дня. Прозвали бы как-нибудь

обидно. На счастье, лошадь сама остановилась возле ворот, и Петька поскорее слез с телеги. Он отдал вожжи дядьке Василию. Тётя Ксения зашла в калитку, отворила ворота, и Петька, опережая коня, вбежал во двор подальше от глаз противного старика.

* * *

Пока тётка раскладывала вещи, Петька осмотрел дом. Четыре комнаты, сени, кухня, чердак – это было то, что надо. Намного просторней их московской двухкомнатной квартиры. Свой чемодан Петька обнаружил в самой маленькой и уютной комнате тёткиного и дядькиного сына Антона, который сейчас кончал свой геологоразведочный институт и сидел где-то «в поле». Петька не очень понимал, как это весёлый и ловкий Антон сидит «в поле», а, например, не «гуляет по чисту полю», как делали в старину добрые молодцы, но спрашивать стеснялся.

Антон учился в Москве и зимой часто забегал к ним. Обедал, разговаривал с папой, реже – с мамой, а с Петькой почти не говорил. Однажды за какую-то грубость спокойно пообещал дать по шее, и Петька понял, что даст, не задумается. Петька тогда не нажаловался маме и сам не понял почему. Но всё равно возле Антона было очень интересно, и Петька ходил за ним хвостом.

Комната у Антона была замечательная. Стена над кроватью вся была завешана огромными странными картами. «Тектоническая карта Сибирской платформы», – прочёл Петька на одной из них. На соседней стене висели большие олени рога, фотографии каких-то бородатых людей в куртках и сапогах, среди которых один был поменьше ростом и без бороды. Петька сначала решил, что это мальчишка, и позавидовал ему, но потом разглядел, что это девушка, и потерял к фотографиям всякий интерес. Ружей и собак на снимках не было. Две другие стены были с окнами. Под одним окном стоял письменный стол с лампой и гладким радужным камнем, под другим ничего не стояло. В углу был шкаф с одной стеклянной дверцей и другой не стеклянной. Сквозь стекло были видны книги. Петька попробовал – шкаф был заперт. Кровать у Антона была низкая и не очень удобная. Петька с размаху плюхнулся на неё и охнул: она была жёсткая, как вагонная полка. Не то что его московская постелька. Петька решил, что попросит тётку постелить что-нибудь помягче.

За окном стоял куст, а на нём какие-то зелёные маленькие шарики. «Смородина, только незрелая, – догадался Петька. – А что ещё здесь есть?»

Он вышел во двор. Там был сарай, половина которого занята была дровами, а на другой стоял верстак и лежали инструменты. Некоторые из них Петька видел в школе на уроках труда. За этим сараем был другой, гораздо больше первого. В нём было сено, стояли сани, лежали грабли, лопаты, на стене висели три косы. Много там было всяких других вещей, в которых Петька решил разобраться потом. В другом конце двора был коровник, курятник и пристройка для свиньи. Коровы не было, куры бродили по двору, а свинья была на месте: толстая, розовая. Она поглядела на Петьку хитрыми глазками с белыми ресницами и хрюкнула, будто поздоровалась: «Привет, братец». Петька отвернулся. Вспомнилось, что мама часто называла его поросёночком за упитанность и розовый цвет. Нет, свиней Петька не любил. Другое дело собаки. Ещё когда телега въезжала во двор, Петька увидел высокого серого пса с белой грудью и закрученным в кольцо хвостом. Пёс прыгал вокруг тёти и дяди, но не лаял. Всё равно было видно, что он очень радуется.

– Знакомься, Серый, это наш племянник Петька, – сказал дядя Василий; пёс обнюхал Петькины ноги, посмотрел в лицо, будто запоминая, и снова стал прыгать вокруг дядьки.

Собачья будка была за домом, в саду. Серого там не было, и Петька не стал его искать. Он быстро осмотрел маленький сад, огород, заглянул в колодец и пошёл обратно в дом: там было ещё много неосмотренного. В кухне он сразу увидел люк в полу с ввинченным в него большим кольцом. Петька взялся за кольцо и потянул, сначала слабо, потом посильнее. Крышка приподнялась, и Петька увидел лесенку, уходящую в тёмную глубину. «Погреб, – догадался Петька, – очень интересно!» – и, откинув крышку, полез вниз. Погреб был довольно большой, в нём стояли мешки и бочки, по полу была рассыпана картошка, по стенам на полках разместились банки, бутылки, два маленьких бочонка и какие-то свёртки.

Запах от полок шёл такой вкусный, что Петька не удержался и полез через картошку к банкам и свёрткам. В погребе было темновато, и Петьке не удалось разобрать, что находится в банках. Свёртки он не решился разворачивать без спросу и стал их обнюхивать. В первом же он угадал сало, во втором – колбасу. Перед Петькиным мысленным взором сразу же засветились розовые довески к колбасе, которую мама и бабушка приносили из магазина. Он всегда их съедал: это было его неотъемлемое всеми признанное право. В свёртке, который лежал сейчас перед ним, тоже мог оказаться довесок, и его можно было бы попросить у тётки. Сначала попросить, а потом развернуть, но вылезать из погреба, искать тётку, объяснять, почему полез в погреб вопреки прямому запрету мамы... И кто их вообще знает, порядки в этом доме, лучше не разворачивать. Но запах висел в воздухе, густой и дразнящий, и Петька решил только посмотреть, какая это колбаса, которая может так сильно пахнуть. Отогнав сомнения, он развернул свёрток. Колбаса была толстая, тёмная, с квадратиками белого сала, яркими даже в полутьме погреба. Петька сразу понял, что она не магазинная, а домашняя. И довеска к ней не было. Вспомнилось, что утром в поезде он, боясь опоздать, съел очень мало, а потом только пил воду, и так ему вдруг захотелось есть, что хоть кусай от целого куска. Но на такой откровенный разбой Петька не решился. Одно дело – довесок, а другое – следы зубов на колбасе. Это же улика, а их нельзя оставлять. «Кто его знает, этого дядьку Василю, лучше пойти у тётки спросить», – подумал Петька и, наскоро завернув колбасу, полез через картошку обратно к лесенке.

– Ксения, опять погреб открытым оставила! – услышал вдруг Петька, и в погребе стало сразу темно.

Это было так неожиданно, что Петька не сообразил подать голос, пока дядькины сапоги не простучали по крыльцу, а когда закричал, это уже не имело смысла. Вообще говоря, большой беды не было: поддать крышку снизу – она и откроется. Но Петька боялся темноты, а тут ещё незнакомый погреб, и он заторопился к выходу.

В темноте ходить по картошке было совсем невозможно, и Петька тут же шлёпнулся на круглые, удивительно твёрдые клубни. Картофелины с тихим шуршанием покатались в стороны. «Может быть, мыши? – подумал Петька. –

Или...» Это «или» нельзя было даже додумывать, потому что волосы и так уже зашевелились на голове, и он в панике кинулся на четвереньках к лесенке. Ухватившись за прохладное сыроватое дерево ступеньки, Петька неожиданно ощутил, что все его страхи исчезли. Он спокойно мог теперь думать и про скелет в углу, и про огромных диких крыс, и про того, который непонятно какой и неизвестно чего хочет и от этого он самый страшный. Теперь они все были только смешными, и было чуть-чуть стыдно, что так испугался. Петька даже тихонько засмеялся. И тут опять появился запах колбасы.

«Надо же, вкуснота какая, – подумал Петька и проглотил набежавшую слюну. – В Москве такой нет. А если тётка не даст попробовать? Она папина сестра, его воспитала, а папа не любит, когда я кусочничаю. Вполне может не дать. Вдруг она на зиму припасена? Что же делать? А что, если... – И Петька даже зажмурился, настолько хороша была идея. – Надо притвориться, что я не смог открыть крышку погреба. Скажу, что пробовал, а когда не получилось, решил, что заперта. Спросят, почему не кричал, скажу, что кричал, а не услышали, потому что у меня голос тихий. Вот и получилось, что я оказался как будто в пещере и должен был бороться за свою жизнь, чтобы не умереть с голоду. И не придерёшься!» – И Петька полез через картошку обратно к колбасе.

Найти колбасу в полной темноте оказалось вовсе не просто. Казалось, колбасный дух идёт отовсюду. Под руки попадались только банки, а свёртков как будто и не было. «Надо приоткрыть крышку, – решил Петька, – всё равно в доме никого нет, а то тётка откликнулась бы, когда дядька сказал ей про открытый погреб. Станет светлее, найду колбасу и снова прикрою крышку». А колбаса всё пахла и заставляла действовать.

Добравшись до лестницы, Петька пошарил вокруг и подобрал крупную твёрдую картофелину – подложить под крышку, чтобы осталась щель. Ему показалось, что в дом кто-то вошёл.

Над погребом звякнуло. «Петя?» – услышал он негромкий тёткин голос и притаился. Раздался скрип половиц: тётка пошла из кухни. Петька подождал немного и толкнул крышку погреба. Она показалась ему отчего-то уж очень тяжёлой. Появилась щель, но картофелина пока ещё не влезала. Петька опустил крышку, встал поудобнее, набрал воздуха в грудь и упёрся как следует. Крышка стала медленно отходить и вдруг со звоном отскочила, и на Петьку обрушился холодный водопад. «Ая-а-а-й!» – взвыл Петька и рухнул с лестницы на картофельную кучу. А с краёв люка на него лилась и лилась вода.

Когда тётя Ксения, прибежавшая на грохот и крик, вытащила его из погреба, он увидел опрокинутые вёдра, большую лужу на полу и всё понял: тётка принесла воды и, на Петькино несчастье, поставила вёдра на край крышки погреба. А он-то тужился, чтобы их опрокинуть! Петька всхлипнул. «Если и дальше так пойдёт, – подумалось ему, – лучше уезжать домой. С такой фамилией, да ещё у тётки в гостях – хорошего не жди!»

Мокрая рубашка противно холодила тело. Петька глянул на неё и совсем расстроился. Она была вся в бурых пятнах и потёках. Штаны были не лучше. А когда Петька увидел в зеркале над умывальником своё лицо – грязное, толстое и несчастное, – он заревел в голос.

Испуганная тётка осматривала и ощупывала его. Прибежал откуда-то дядька и тоже стал спрашивать, где болит.

– Нигде, – икнул Петька.

– Так чего же ты ревьешь?

– Не знаю.

– Как ты туда попал?

– Полез посмотреть, а ты захлопнул крышку...

Дядька поглядел на открытый погреб, на опрокинутые вёдра, грязного Петьку и всё понял. А когда понял – сел на табуретку и захохотал так, что часы на стене жалобно зазвенели.

Тётя Ксения сначала удивлённо смотрела на него, потом быстро отвернулась от Петьки и стала зачем-то переставлять кастрюльки на кухонном столе.

Не было никаких сомнений, что она тоже смеётся. И это вместо того чтобы его пожалеть, поскорей уложить в постель, вызвать врача, напоить горячим молоком с малиновым вареньем и спросить, что купить ему в «Детском мире» (хотя «Детского мира» здесь, наверное, нет). Какие чёрствые, бездушные люди. И это его, Петькины, дядя и тётя! От злости у Петьки даже высохли слёзы.

– Смеётесь, – завопил он, – а ребёнок чуть не погиб! И промок весь! Вот простужусь сейчас, тогда узнаете!

Дядька сразу стал серьёзным.

– Извини, брат, – сказал он, – но ведь всё-таки смешно. Сам подумай. Ксения, – повернулся он к тётке, – принеси большое полотенце, а я воды из колодца достану.

Когда дядька и тётка вышли из кухни, Петька задумался: «Выдумал тоже – смешно. Совсем не смешно, потому что я ещё маленький. Не очень, конечно, маленький, но пока не большой. Вот Лёшка Соломатин – тот очень здоровый. Больше всех в классе. Если бы он свалился, как я, было бы смешно. А ещё смешнее, если бы Митька Волков. Или вежливый этот, крыса очкастая. То-то завизжал бы, руками замахал. А очки бы с него свалились...» – И Петька засмеялся.

Когда тётка вошла в кухню с полотенцем, он для порядка всхлипнул ещё два раза и пошёл во двор умываться.

Дядька уже принёс воду, вёдра стояли рядышком на траве. Петька опасливо обошёл их и подошёл к дядьке.

– Где будем мыться? – спросил он.

– Здесь.

– Когда?

– Сейчас.

– Как сейчас? Вода ведь не согрета.

– Согрета. Раздевайся. Всё снимай, и трусы тоже.

Петька удивился, что вода согрелась так быстро, но не стал разбираться в этом вопросе и скинул мокрую, неприятную одежду. Только он сбросил трусы, как на него обрушился водопад, такой холодный, что перехватило дух, а потом второй такой же. Когда же голос вернулся к нему, по всему его телу гуляло жёсткое колючее полотенце, и было уже не холодно, а жарко и почему-то весело.

- Ты что, на меня ведро вылил?

- Два, - ответил дядька, орудуя полотенцем.

- Я же простужусь.

- Не простудишься. Беги одевайся, обедать пора.

* * *

После обеда, чистый и сытый, Петька помогал тётке и дядьке сушить картошку. Когда тётка заговорила об этом за обедом, Петька и не подумал, что она рассчитывает на его помощь. Он поинтересовался, зачем картошку нужно сушить, и тётка объяснила, что мокрая картошка в погребе сгниёт, что её нужно вытащить, просушить и ссыпать обратно.

- Надо конвейер сделать, - посоветовал Петька.

- Проектировать долго, - вздохнул дядька, - картошка не дождётся.

- Я спроектирую, а вы пока посушите.

- М-да... Портили, значит, вместе, а чинить - мы одни? Ну что ж, ты сюда отдыхать приехал.

- Отдыхать, - подтвердил Петька. - Ещё успею наработаться. Так мама сказала.

Дядька ничего не ответил, и за столом наступило молчание.

После обеда дядька и тётка занялись картошкой. Петька пошёл в комнату, достал карандаши, бумагу, линейку и стал чертить конвейер для подъёма картошки из погреба прямо во двор. Что-то мешало ему, портило настроение, не давало сосредоточиться на важном деле. «Зачем дядька мне сказал про "отдыхать приехал"? Ведь мне действительно нужно отдыхать и набираться сил к новому учебному году. А потом, у меня хрупкая нервная система... Если бы дядька не захлопнул крышку, а тётка не поставила вёдра, ничего бы не случилось. Но тогда я съел бы колбасу. Ну и что? Я же был очень голодный! Значит, я не виноват. Нет, виноват: надо было попросить у тётки, а не обманывать. Последнее это дело – так папа говорит. Потому всё так и получилось. И дядька с тёткой так думают».

Петьке стало очень не по себе. Он вылез из-за стола и пошёл на кухню. Дядька Василий с двумя вёдрами картошки поднимался из погреба и ставил их на пол. Тётя Ксения отдавала ему пустые вёдра, подхватывала полные и уносила их во двор. Дядька спускался в погреб, насыпал в пустые вёдра картошку и снова поднимал их наверх.

– Вася, нога болит? – спросила тётка, подхватывая тяжёлые вёдра.

– А почему болит? – спросил Петька.

Очень уж неприятно, что тётка и дядька работали, не обращая на него внимания.

– Это с войны, – ответила тётка. – Дядя Василий был ранен. Ты разве не заметил, что он прихрамывает?

Петьке стало совсем нехорошо. Но включиться в работу не позволяла гордость. Уйти из кухни он тоже не мог: это было бы ещё хуже, чем стоять и смотреть. И вдруг его осенило.

– Дядя Василий! – закричал он. – Давай скорее верёвку! Ты будешь привязывать к ней внизу, а я вытаскивать!

– Молодец, – серьёзно сказал дядька, ну совсем как взрослому, и Петька почувствовал себя таким счастливым, что чуть опять не свалился в погреб.

Тётка, конечно, это заметила.

– Нет, – сказала она, – его ведро перевесит. Лучше ты, Вася, вытаскивай, а он пусть внизу нагружает.

Напрасно Петька убеждал её, что он сильный и легко справится с таким пустяковым делом, как ведро картошки, – уговорить тётку не удалось. Она передела его в свои резиновые сапоги, завернула в свой старый халат и велела лезть в погреб. Но Петька быстро перестал жалеть. Он придумал набирать картошку на скорость, чтобы тётка не успевала возвращаться с пустыми вёдрами, чтобы дядьке приходилось ей помогать. Только жалко, что картошка кончилась быстро и пришлось ждать, пока она высохнет. Потом её собирали в большие мешки, дядька относил мешки в кухню и спускал (на верёвке!) в погреб.

– Уф! – сказал он наконец. – Всё!

* * *

Утром Петьке не хотелось вставать. Тётка потрясла его за плечо:

– Вставай, Петя, пора завтракать, мы торопимся...

Но он перевалился на другой бок и заснул опять. Сквозь сон он слышал отдельные слова: «Пускай... намаялся с картошкой... сам возьмёт...», но напрягаться, собирать внимание Петьке не хотелось.

Петька проснулся от того, что орала петухи и очень хотелось есть. Он ещё немного полежал, глядя в ярко-синее, с неподвижным маленьким облаком окно, и выскочил из-под одеяла.

– Тётя, я есть хочу! – закричал он.

Никто не ответил.

– Тётя! – ещё раз крикнул Петька и пошёл по дому.

Ни дома, ни во дворе тётки не было, но на столе Петька нашёл записку: «Петя, картошка с салом на печке во дворе, молоко и лук на столе. Обедать придём в двенадцать. Тётя Ксения».

Петька даже сначала не понял. «Как так – на печке? – возмутился он. – А подаст кто? Я же есть хочу!» Он походил по двору, расстраиваясь всё больше и больше: «Это что же, я сам должен себе еду готовить? Ну не готовить, а брать? Я же маленький и отдыхать сюда приехал. Что за отдых, если человек должен каждый день работать? Мама говорила папе, что полноценный отдых возможен только там, где не нужно готовить и подавать на стол, а в его турпоходах она только устаёт. Домой уеду!» Но тут он вспомнил, что тётка будила его утром и звала завтракать. «Нет, не знает тётка, как нужно обращаться с интеллигентными детьми. Я ей объясню, когда придёт. А чтобы лучше запомнила, не буду есть», – решил Петька, но быстро передумал. Он сбегал на летнюю кухню, построенную за домом, принёс ещё тёплый чугунок, завернутый в газеты и накрытый тарелкой, и поставил на стол, где стояли кружка с молоком, солонка и тарелка с луком и хлебом, накрытые полотенцем. «Колбасы нет, – отметил Петька, – конфет тоже. Надо сказать тётке». Он приоткрыл котелок, нюхнул поднявшийся из него пар и сразу забыл о колбасе, конфетах и пирожном. Не отрывая взгляда от котелка, он нащупал ложку и принялся за еду.

О том, что не умывался, Петька вспомнил только после завтрака. Умываться аккуратно мама велела ему много раз: и дома, и перед отходом поезда. Петька вздохнул, взял полотенце и пошёл во двор, где висел умывальник. Вытирая лицо, он услышал:

– Эй, москвич!

Голос шёл со стороны соседского забора. Петька оглянулся и увидел над забором мальчишку, вихрастого и веснушчатого, в майке и брюках. Босые ноги свешивались на Петькину сторону. Мальчишка Петьке понравился, несмотря на серьёзное, даже чуть хмурое лицо. А может, именно поэтому: ведь и во дворе, и в школе мальчишки начинали нехорошо улыбаться, как только видели его.

– Чего тебе? – отозвался Петька с полной доброжелательностью. – Ты зачем на наш забор залез?

– А почему ты такой толстый?

Мальчишка сказал не «жирный», а «толстый», и Петька это оценил.

- Обмен веществ, - привычно вздохнул он.

- Чего-чего?

- Обмен веществ неправильный. Болезнь такая.

- Заразный, наверное?

- Сам ты заразный, - обиделся Петька и перевёл разговор с неприятной темы: - Как тебя зовут?

- Борька.

- А меня Петька. Прыгай сюда.

- Не, не могу. Мамка оставила Нюську стеречь. Лучше ты ко мне лезь.

- А кто это - Нюська?

- Сестра. У-у, наказание моё!

- А чего делать будем?

- Нюську покормим и рыбалить пойдём. Хочешь?

- Рыбу ловить? Хочу! Только у меня удочки нет.

- Я тебе нашу дам. - И Борька скатился с забора на свою сторону.

Петька засуетился. Он надел панаму и рубашку, разыскал в чемодане поролоновый коврик, который мама обязательно велела ему подстилать, когда придётся садиться на голую землю, и подбежал к забору. Забор был не очень высокий. Петька перекинул через него коврик, подпрыгнув, ухватился руками за край и стал скрести ногами по доскам, пытаясь взобраться. Не тут-то было. Петька понимал, что нужно подтянуться, закинуть ногу и перевалиться на ту сторону. Всё очень просто. Но не получалось. Рукам не хватало силы подтянуть такой вес. А потом ещё задрать ногу...

- Эй, Петька, ты чего? - услышал он приглушённый Борькин голос. Борька, наверное, кричал из дома. - Я Нюську докармливаю. Сейчас молоко допьёт, и пойдём.

- Нехорошо лазить через заборы! - заорал в ответ Петька. - Неприлично! Где у вас калитка?

- Зачем калитка? Её надо идти отпирать. Давай через забор!

Петька растерялся: что делать? И коврик уже там. Может, доску оторвать? Он потрогал - доски сидели прочно, забор был новый. Петька посмотрел вдоль забора и в густой подзаборной крапиве увидел лопату. Вчера возле самого забора дядька Василий выкопал засохший саженец и оставил довольно большую яму. Даже чуть подкопал под забор. Петьке пришлось всего несколько раз ткнуть лопатой, чтобы посыпалась земля и открылся ход на Борькин двор. Петька быстро расширил его и, сопя, протиснулся на ту сторону.

Нюська сидела за столом, уткнувшись носом в чашку с синим зайцем, и громко дышала в неё. Над чашкой видны были два круглых глаза и светлая чёлка. Очень симпатичная оказалась Нюська. Непонятно было, почему Борька называл её «наказаньем».

Борька вошёл в комнату очень деловой походкой. Взглянув на Петьку, он остановился.

- Чего это? - удивлённо спросил он.

- Панамы, - важно объяснил Петька. - Мама велела надевать в жару. А это коврик, подстилать на сырую землю, чтобы не было радикулита. Понял?

Но Борька уже не слушал его. Он в упор смотрел на Нюську и вдруг закричал таким страшным голосом, что Петька даже вздрогнул:

- Пей, горе моё!

Нюська спрятала глаза в чашку, быстро доглотала молоко, сползла с табуретки и подошла к Петьке.

- Ты добрый? - спросила она, задрав голову.

- Добрый, - подтвердил Петька, и Нюська понравилась ему ещё больше. «Везёт же людям, - подумал он. - Сёстры у них есть. Будь у меня такая, я бы на неё никогда не орал и "горем моим" не называл. Хоть бы собаку купили».

Борька повязал Нюське на голову платок, сунул в руки куклу и вывел во двор. Потом он повёл Петьку в чулан, где стояли четыре удочки, взял себе одну и предложил ему выбирать себе любую. Петька потрогал оставшиеся, покачал головой с видом знающего человека и выбрал самую длинную. Борька уже держал в руках банку с червями.

- Ну, пошли. Держи удочки и червей возьми.

- Как это - держи? А ты?

- Я Нюську понесу. А то своими ногами она до вечера не дотащится.

- Это куда? До речки?

- Не-а. Кто на речке ловит? Только мелкота, вроде Нюськи. Мы на озеро пойдём.

- Вот это да! А далеко?

- Не шибко, если лесом.

- А ты Нюську дома оставь.

– Сдурел? Она же маленькая, – ответил Борька и подставил Нюське спину. Она молча отдала куклу Петьке и обхватила обеими руками Борькину шею.

Петька взял удочки, коврик, банку с червями, и они пошли.

Идти было жарко. Удочки давили на плечо, коврик выбивался из-под мышки и падал. Приходилось останавливаться, ставить банку с червями на землю, прислонять удочки к дереву, снова сворачивать коврик, заправляя в него куклу, опять брать банку и удочки и догонять Борьку. На бегу коврик опять выбивался, и всё начиналось сначала.

– Борька, стой! – крикнул Петька. – Далеко ещё?

Борька обернулся. Лоб у него был мокрый, на носу висела светлая капля. Борька дёргал носом, капля качалась, но не падала.

– Полдороги прошли, – хрипло сказал он и пошёл дальше.

«Надо же, как достаётся, – подумал Петька, – маленькая-то маленькая, но тяжёлая. Без сестры, пожалуй, лучше. А если есть бабушка, то лучше с сестрой. Она с бабушкой будет сидеть, если уйти нужно, и играть с ней можно, когда захочешь».

– Борька, а у вас есть бабушка? – спросил он.

– Уф, – ответил Борька и спустил Нюську на землю. – Походи своими ногами, горе моё. Есть у нас бабка, только с нами сейчас не живёт. К тётке Марье поехала, дочке своей, к папкиной сестре. Скоро вернётся.

– Почему скоро?

– Поругаются. Бабка её учит, как и что надо делать, а тётка Марья не терпит. Она сама кого хошь научит. Бабка у нас посидит, нас поучит, соскучится и опять поедет к тётке Марье. Она всех учит, Нюську только не трогает, говорит, в неё уродилась.

Петька посмотрел на тихую Нюську, семенившую рядом с Борькой, и не поверил бабке.

– А у меня бабушка добрая, – сказал он. – Только она сейчас у маминой сестры живёт. Там ребёнок родился.

– Зачем тебе бабушка? – солидно заметил Борька. – Ты же не пацан. Это таким, как Нюська, она нужна, а ты и сам справишься.

Петька был другого мнения на этот счёт, но промолчал. Борька уже отдохнул, а ему становилось всё тяжелее. Пошли кусты, и удочки стали цепляться за них. Коврик свисал под ноги, и один раз Петька чуть не упал, наступив на него. Он подумал, что нести Нюську, пожалуй, лучше. Сидит себе на спине и молчит.

– Борька, давай я её понесу, а ты удочки, – предложил он.

Борька сразу согласился и посадил Нюську Петьке на спину. Потом взял коврик и спрятал в куст у дороги.

– Ты чего?! – возмутился Петька. – Неси давай!

– Обратно пойдём – заберём.

– А сидеть на чём? Простудимся!

– Не простудимся. А не хочешь – неси сам. Я не стану – засмеют, если встретим кого. Давай Нюську обратно!

– Ладно, – согласился Петька. – Но, если я простужусь, ты будешь виноват!

И он пошёл по дороге. Борька подобрал удочки, червей и куклу и пошёл за ними. Нюська обхватила Петьку за шею мягкими ручками, положила ему голову на плечо, и он почувствовал себя большим и сильным. Сначала идти было легко, но скоро он почувствовал, что такое настоящая тяжесть. Руки слабели, и Нюська

съезжала вниз. Петька останавливался, подбрасывал её повыше, а она смеялась и кричала ему:

- Но, лошадка!

Борька с удочками ушёл далеко вперёд. Наконец Петька не выдержал.

- Борька, стой! - крикнул он и спустил Нюську на землю.

Борька остановился.

- Быстро ты кончился, - сказал он, когда Петька дошёл до него. - Ладно, давай её сюда. - И передал удочки Петьке.

- Полезай! - приказал он Нюське, присев на корточки.

- Не-а.

- Сама пойдёшь?

- Не-а. Я на Петю хочу. Он мягкий. И скачет, как лошадка. А ты колючий.

- Я тебе покажу: колючий. Ишь, моду взяла: на чужих ездить. Садись давай! А то в лесу оставлю!

Но Нюська упёрлась, а когда Борька пошёл от неё - заревела. И Петька не выдержал.

- Садись, горе моё! - крикнул он и подставил спину.

* * *

Когда Петька отдышался, Борька уже ловил рыбу, сидя на толстом ивовом суку, висящем над водой. Нюська копалась в песке на солнце. Петькина удочка лежала около большого ивового куста, полностью снаряжённая, даже с

насаженным червяком: Борька позаботился. Петька был благодарен ему за это, так как не очень знал, как готовят удочки к ловле, но, конечно, не подал виду. Он взял крючок с червяком, отнёс его от берега на всю длину лески и с силой взмахнул удочкой, как это делали все рыболовы в кино, как только что сделал это Борька. Удочка свистнула, дёрнулась и застряла в ивовом кусте над Петькиной головой. На Петьку тихо слетели сбитые листья. От неожиданности он дёрнул – и запутал удочку ещё больше. Пришлось нагибать ветки и медленно выпутывать их по одной. А Борька за это время вытащил уже двух рыбок. Маленьких, конечно, но всё-таки целых двух! Петька снова выложил леску на песке и осторожно мотнул удочкой к воде. Червяк, не торопясь, проехал по песку и шлёпнулся в воду совсем рядом, на мелкоте. Конечно, ни одна рыба не подошла бы к нему даже поинтересоваться, что это такое. Петька уже был налит злостью до краёв, но тем не менее снова терпеливо выложил леску, посмотрел вверх, не зацепится ли она за куст, взял удочку двумя руками, прицелился и сильно махнул ею. Крючок побежал по песку, почему-то дёрнулся в сторону, зацепил Нюскину куклу и поволок её к воде.

– К чёрту! – взревел Петька и отшвырнул удочку.

– Чего орёшь? – покосился Борька. – Рыбу распугаешь.

Возле него лежали уже три рыбки, и последняя, величиной почти с новый карандаш, ещё прыгала.

– К чёрту твою рыбную ловлю! Дал мне паршивую удочку и ещё спрашивает! Сам лови!

– Я не давал, ты сам выбрал. Этой удочкой батя ловит. Ты когда её взял, я думал, ты хорошо ловишь, на глубину её закинешь, на крупную рыбу. А ты вон как, не умеешь совсем.

– Умею! Только не такой дурацкой удочкой.

– Сам больно умный, – миролюбиво ответил Борька, – возьми мою, если хочешь.

– Давай. Больше тебя наловлю.

Борька отдал удочку и сломал себе в ивняке недлинный тонкий прут. Отвязав леску от большой удочки, он привязал её к пруту, а лишнее намотал на два специально оставленных на пруте сучка. Получилась небольшая аккуратная удочка. Борька пристроился с ней на прежнем месте.

Пока Борька возился, Петька с интересом следил за ним. «Здорово у него получается, – подумал он. – Ещё бы, деревенский. Всю жизнь этим занимается. В Москве, наверное, совсем бы ничего не смог. Испугался бы: "Петя, покажи, Петя, научи!" А я здесь быстро научусь. А чего это рыба никак не клюёт? – вспомнил вдруг он и повернулся к поплавку. – Надо посмотреть, может, уже попалась какая – nibудь?» – подумал он и потянул удочку. Из воды вылез грузик, потянулась вверх леска, потом появился голый крючок.

– А червяк где? – удивился Петька.

– Уплыл, – усмехнулся Борька. – Смотреть надо было. Рыба клевала, а ты зевал.

– Клевала?! – обрадовался Петька. – Ну теперь не упущу!

Он насадил на крючок нового червяка и довольно прилично закинул его в воду. Не успел он сесть, как поплавок дрогнул. Петька дёрнул удочку. В воздух взлетела рыбка, затанцевала на крючке – Петька чувствовал её живую тяжесть – и вдруг упала обратно в воду. Удочка сразу стала обидно лёгкой. Петька растерянно посмотрел на пустой крючок, а потом перевёл глаза на Борьку.

– Рано подсёк, – объяснил Борька. – Подождал бы хоть второй поклёвки, чтобы глубже заглотала.

Петьке захотелось бросить удочку и уйти. У него даже глаза налились слезами. Он поскорее наклонился над банкой с червями и долго копался в ней, пока слёзы не впитались обратно в глаза и банка не перестала дрожать и расплываться. «Пока не поймаю – не уйду!» – решил он.

Рыба больше не хотела клевать. Борька вытаскивал уже шестую, и Петька чувствовал, что ненавидит его всей душой. «Ишь, расселся, – злился он, коротко взглядывая на Борькино сосредоточенное лицо. – Дать бы ему по шее, чтобы в воду свалился. Или чтобы кошка всю рыбу утащила. Дурацкие эти рыбы: у Борьки клюют, а у меня не клюют!»

- Тащи! - крикнул вдруг Борька, и Петька, ничего не успев сообразить, дёрнул.

Рыба, описав в воздухе дугу, шлёпнулась на песок и замерла. Бросив удочку, Петька рванулся к ней и застыл. Рыба лежала на песке, раздувая жабры, и была такая красивая, что Петьке снова захотелось плакать. Он осторожно тронул её пальцем, и она запрыгала, переворачиваясь с боку на бок, теряя красоту и блеск под налипающим песком.

- Здоровая, - сказал Борька за его спиной. - Повезло.

Петька поднял глаза на Борьку и засмеялся.

- Зато у тебя уже шесть, - сказал он.

«Отличный парень Борька, - думал Петька, сидя снова с удочкой. - В Москве бы такого. И Нюська у него хорошая: сидит себе, играет, не заплакала ни разу. Поймать бы сейчас ещё, чтобы столько же, сколько у Борьки, но покрупнее, как моя. Или совсем большую, как в магазине продают. Принёс бы я её домой, а эту свою отдал бы Борьке. Тётя удивилась бы: "Смотри, Василий, Петя-то у нас рыболлов!" Потом зажарила бы, а я бы её съел. Не всю, конечно. Угостил бы и тётю, и дядю Василия, и Серого. И маме с папой бы написал. Только почему-то больше не ловится».

Рыба не ловилась. Солнце припекало сильнее, ветерок, освежавший тело, стих. «Пора бы кончать, - подумал Петька. - Ещё немного посижу, ещё до одной рыбки - и всё. Борька же сидит». Как раз в этот момент Борька встал, потянулся и стал собирать в кучу разбросанные на песке вещи. Потом поднял и отряхнул Нюську и насадил рыбок на тонкий ивовый пруттик. Петькину вместе со своими.

- Пошли, - скомандовал он.

- Куда пошли?

- Домой. Мамка скоро обедать придёт.

- Не пойду. Ещё поймать надо.

– Ну сиди тогда. Домой пойдёшь – захвати удочки. А я Нюську понесу. Есть хочу.

– Мои тоже обедать придут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/knizhnik_genrih/pet-ka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)